

Впрочем, сорвать злобу средних лет мужик так и не успел: староста вовремя заступил дорогу старухе и с самым строгим видом обратился к нему:

— Хорош, Ямагути. Да и остальные — уймись! Не поддавайтесь на колдовство этих тварей, не затуманивайте себе разум!

Толпа колыхнулась; люди невольно перевели взгляды на зажатых в кольцо сестёр. Мимико не могла подняться, а Нанако ни за что не бросила бы её одну. Сжавшись в комок и обнявшись, они смиренно зажмурились, но мелкая, непрекращающаяся дрожь выдавала их с головой — точь-в-точь два птенчика, промокших до костей под проливным дождем.

Быть может, у кого-то из деревенских на миг и мелькнула жалость, но её тут же захлестнул общий поток ненависти, страха и злобы, окончательно сплотив толпу в едином, жестоком отторжении. Староста же, не дрогнув, тут же переложил всю вину на девчонок.

— Это уж точно их штучки! — внушительно заявил он. — Не забывайте: порождения зла ловчее всего дурачат честных людей.

Толпа гулом одобрения поддержала его слова.

— Нет... — Нанако вскинула голову, пытаясь защититься. — Мы ничего не делали...

— Заткнись, тварь! — Бабка, лишившись дубины, упёрла руки в бока и уставилась на девочек с такой лютой ненавистью, будто готова была испепелить их взглядом. — Врёшь! Ваших рук дело...

— Лиса! Это лиса!

Старуха не успела договорить — кто-то из толпы дико заверещал, тыча пальцем куда-то за спины девочек. Леденящий ужас в этом крике заставил селян отшатнуться. Люди побледнели, с недоумением и страхом уставившись в указанную сторону.

Не успели они толком сообразить, в чём дело, как над головами Нанако и Мимико мелькнул силуэт и легко опустился на землю.

Деревянные гэта уверенно встали на сухую грунтовку. Подол белого кимоно с синим узором стрекоз лишь слегка качнулся и замер.

Перед девочками встал мальчишка — ростом едва ли выше их самих. Он стоял прямо, недрогнувшей ручонкой небрежно подбрасывая тяжелый булыжник.

— Обезьяны, — процедил он с холодной, совсем не детской лютостью на детском личике. —

Проваливайте.

Мальчик был до того хорош собой, что иначе как прелестным его назвать не поворачивался язык. Лет пяти-шести, с круглым личиком, большими кошачьими глазами и фарфорово-белой кожей, почти светившейся на солнце. Ровные чёрные волосы аккуратным каре прикрывали уши, лишь вполовину обнажая пухлые, сулящие счастье мочки.

Одет он был в белое кимоно с синим узором стрекоз. И хотя деревенские в дорогой одежде ничего не смыслили, даже они сообразили: эта вещь стоит сумасшедших денег, в их глухомани подобной роскоши отродясь не водилось.

Но до того ли им было? Насколько бы красивым ни казался ребёнок, его инопланетная, нечеловеческая утончённость внушала отторжение. А главное — глаза. Не обычные для здешних мест чёрные и не жёлтые, как у Нанако, а глубокого, нездешнего небесно-голубого цвета.

Одно лишь это неземное лазурное сияние заставило бы суеверных селян отшатнуться в ужасе. Но что хуже — вокруг иссиня-чёрных зрачков расплывался едва заметный пурпурный венчик. Двухцветные глаза!

Невиданный взор, драгоценное кимоно... Кто ещё это мог быть, если не нечисть? А с такой-то ангельской рожицей — точно лис-оборотень, привыкший морочить людям головы!

Совсем сопляк?

Значит, мелкий демоненок!

Кабы Гето Кибо продолжал, как окрестили его эти деревенщины, его некроткий нрав мгновенно дал бы о себе знать, и этот булыжник тут же влетел бы кому-нибудь в дурную башку.

"Какая еще нечисть?! Какая лиса?! Сам вы нечисть, пни неотесанные!"

Давать себя в обиду он не привык.

Впрочем, сейчас Кибо было не до того: он изо всех сил старался держать лицо и не скривиться от боли.

Состояние у него было страннее некуда.

Голова разрывалась, раскалённые глазницы жгло, зато обзор стал невероятно широким и чётким. Он видел всё: и стоящую напротив толпу, и обеих девчонок за спиной, и добрую треть

деревни в придачу. Каждая мелочь выступала с поразительной резкостью — он мог бы сосчитать усы у мыши, снующей в дальнем углу забора.

Вот только помимо этой кристальной чёткости вокруг происходило нечто жуткое. По телам этих «обезьян» густой паутиной змеились чёрно-красные трещины. От этого зрелища у Кибо даже голова закружилась.

Мир что, трещит по швам?

Такие же чёрно-красные сколы покрывали и палки с лопатами в руках селян, разве что не так густо. Когда он до этого швырнул камень в старушечью дубину, то инстинктивно метил прямо в такую трещину — и деревяшка разлетелась пополам в мгновение ока. Эффект получился просто убойный!

Вот только расплачиваться за этот критический удар пришлось дикой резью в глазах и накатившей тошнотворной слабостью. Впрочем, раз уж он выбил оружие и толкнул речь, не убираться же теперь в угол, поджав хвост?

Гето Кибо не станет так позориться!

К тому же он ни за что не позволит этим обезьянам тронуть его маленьких домочадцев.

Именно — домочадцев.

Едва лишь девчушки упали, в голове Кибо внезапно вспыхнул образ двух девушек — постарше его, одна блондинка, другая брюнетка, и обе до того родные, что сердце сжалось. Вместе с их лицами в памяти всплыло одно-единственное слово: «Семья».

Имён он вспомнить пока не мог, но одного этого слова хватило сполна.

Они — его семья.

А эти две малышки, коченевшие на земле, с точностью повторяли цвет волос тех старших сестёр.

Кибо, хоть ещё и не ходил в школу, умел округлять с пользой для дела и сообразил мгновенно: если те старшие — семья, значит, и эти двое, которых обижают местные обезьяны, тоже его сестрёнки! А за своих он встанет горой.

Кабы он стоял поближе, он бы не камень в палку пустил, а с разворота прописал той карге сочного пинка.

По мере того как в груди закипала ярость, в теле Кибо пробуждалась какая-то невероятная, чужеродная сила. Он побежал быстрее обычного, прыгнул выше... вот только в глазах темнело, а эти тёмные разломы на вещах жгли мозг. Не обладай Кибо ослиным упрямством, он бы давным-давно уже сжался в комок на земле и завыл от боли.

Сейчас он стоял перед Нанако и Мимико, изо всех сил стиснув зубы. Чем сильнее он пересиливал боль, тем свирепее становился его взгляд, доводя деревенских до тихого ужаса.

В отличие от полуживых сестёр, этот свежаявленный демоненок выглядел куда опаснее. Селяне невольно переглянулись и с надеждой уставились на старосту. На забитых девчонок-то они пошли с его подачи, а с этим-то как быть? С ним ведь шутки плохи! Неужто всей деревне конец?

Падавшие на землю Нанако и Мимико широко раскрытыми глазами смотрели на спину своего защитника.

— Синие... Какие красивые... — Мимико судорожно сжала ладонь сестры.

В отличие от слепых селян, девчонки видели другое: вокруг мальчика бушевало яркое, лазурное пламя. Оно сияло так ослепительно, будто с неба прямо на него упала звезда.

Нанако смотрела не мигая; сердце её колотилось как бешеное. В этот миг ей казалось, что она стала свидетельницей настоящего чуда.

Божество?

Он наверняка услышал их мольбы и спустился с небес, чтобы спасти их!

Кибо и не подозревал, что его уже вычеркнули из людского рода — и селяне, и сестрёнки. Чувствуя, как череп распирает от боли, он стиснул молочные зубы: надо же было этому приступу начаться именно сейчас! Если он даст слабину и сплюскает, стыда потом не оберешься.

При этой мысли он смерил толпу ещё более свирепым взглядом, крутанул кистью и изо всех сил швырнул булыжник в растущую неподалеку камфору.

Хрясь!

Камень с оглушительным стуком врезался точно в ствол.

Попасть в цель было нехитро: древнее дерево росло здесь не одно десятилетие, его могучий ствол едва ли смогла бы обнять сотня человек, да и стояло оно совсем рядом.

Вот только произошло нечто странное. Отскочить от коры камень даже не подумал: он словно гасил всю свою кинетическую энергию и бесшумно сполз вниз, упав в пыль.

Селяне остолбенели.

Как бы они ни боялись этого паренька, считая его воплощением лисьего духа... что он только что сделал? Зачем швырять камушки в дерево? Швырнул бы в них — и то логичнее было бы!

Кибо изогнул бровь и смерил толпу пренебрежительным кивком.

А в следующее мгновение...

Тр-р-р-рах! Хрусь!

Из самой глубины камфорного ствола донёлся сухой, отвратительный треск, от которого заломило зубы.

Все как один повернули головы — и ахнули. По вековому стволу, который и топором-то за день не срубишь, расползлась паутина глубоких трещин, за мгновение охватившая весь исполин.

Но дальше началось и вовсе невообразимое.

Истрескавшееся дерево словно в миг лишилось всей жизненной силы. Сочно-зелёная крона на глазах пожелтела и высохла, ветви превратились в сухие коряги, а затем с оглушительным грохотом гигантский ствол рассыпался на тысячи трухлявых обломков. На дорогу поднялся столб густой, въедливой пыли.

Ещё минуту назад рвавшие и метавшие селяне замерли, точно оглушённые куры. Они смотрели на кучу трухи, оставшуюся от векового дерева, вытаращив глаза и разинув рты, пока пыль не забила им в носоглотку, заставив судорожно закашляться.

И только тогда до них дошло.

Поднялся невообразимый гвалт.

— А-а-а-а! — кто-то из мужиков задал драпака, оря во все горло: — Демон! Демон убивает!

— Спасите! Помогите!.. — другие в ужасе валились на землю, потеряв способность бежать, и лишь бессильно скребли пыль ногтями, отползая назад.

— Староста! Староста, сделай же что-нибудь! — завел один из селян, мёртвой хваткой

вцепившись в рукав главы. — Ты же говорил, что мы скрутим этих девок! А это что за чёрт?! Что нам делать, староста?!

Староста... Да староста сам чуть в штаны не наложил! Он-то был уверен, что девчонки Хасаба — мелкие твари, с которыми деревня легко справится толпой. Но этот мелкий демон явно был совсем иного полёта! Какое там потягаться — им всем крышка!

И тут, сквозь клубы пыли, староста внезапно разглядел, как крошечный силуэт, только что превративший дерево в труху, покачнулся... и повалился навзничь!

Он не грохнулся головой о землю лишь потому, что Нанако и Мимико подскочили и успели подхватить его.

— Упал! — выкрикнул староста, со всей дуры вlepив затрещину струсившему селянину, и ткнул пальцем вперёд: — Мелкий рухнул!

Убежать ещё никто не успел, так что все как один уставились на мальчонку. Тот, только что метавший молнии, теперь лежал без чувств на руках у Нанако. Лицо его пылало, а из уголков глаз, ноздрей и рта струилась алая кровь.

Вид у него был — краше в гроб кладут.

— Демон загнулся!

Расклад сил мгновенно изменился.

В то же мгновение перед угасающим взором Гето Кибо развернулся полупрозрачный экран:

[... Идёт загрузка системы...]

[Загрузка завершена.]

[Дзинь! Добро пожаловать! Приветствуем пользователя [Гето Кибо] в системе! Желаем приятного пользования!]

"Какого к чёрту «приятного», идиоты-ы-ы!"